

Воздух здесь стал густым, словно застывшее масло. Ни дуновения ветерка, лишь за окном изредка доносился глухой рокот грома, жалобно стонущего в глубине облачных слоев.

Хотя осеннее равноденствие уже миновало, остатки летнего зноя, запертые толстыми стенами и плотно закрытыми окнами, превратили комнату в душную ловушку. Перед глазами слегка подрагивали искаженные волны горячего воздуха.

Цзян Янь стоял на письменном столе, слегка запрокинув голову, и пытался выкрутить старую, вышедшую из строя лампочку. Белая футболка на его спине пропиталась потом, прилипнув к тонкому позвоночнику. Несколько влажных прядей черных волос прилипли к чистому лбу, а в его спокойных фиолетовых глазах сейчас отражались лишь упрямые металлические усики патрона.

Под столом, развалившись в единственном удобном кресле на колесиках, полулежал Лу Чэнь. Его длинные ноги бесцеремонно были закинута на край соседней кровати. Он крутил в пальцах ручку, и ее металлический корпус ловил тусклый свет пасмурного неба, подчеркивая четкие линии его подбородка. Золотистые глаза, в которых всегда таилась нотка беззаботной насмешки, сейчас лениво скользили по напряженной спине Цзян Яня, а уголки губ кривились в нескрываемом, откровенно раздражающем пренебрежении.

— Цыц, — протянул Лу Чэнь, и его голос отчетливо прозвучал в спертom воздухе. — Ну что, наш великий отличник, ты возишься с этим уже минут десять? Это всего лишь паршивая лампочка, а не древний массив, который ты пытаешься взломать.

Он качнул ногой.

— Ну так что, получается или нет? Если нет, подадим заявку на ремонт, не стоит утруждать свой драгоценный мозг такой черной работой.

Пальцы Цзян Яня, сжимавшие патрон, замерли, костяшки от напряжения побелели. Не оборачиваясь, он произнес ровным голосом, в котором сквозило раздражение, вызванное жарой:

— Заткнись, Лу Чэнь. Если не прекратишь, проваливай отсюда и ищи место, где попрохладнее.

— Ого, какой грозный, — усмехнулся Лу Чэнь. Ему было совершенно все равно, он лишь поудобнее устроился в кресле, а его взгляд стал еще более наглым, скользя по очертаниям плеч, проступающим сквозь насквозь промокшую футболку Цзян Яня. — Я же просто забочусь о соседе. Подумать только: на теоретических экзаменах — высший балл, на практике — впереди всех, а тут вдруг пасуешь перед простейшим бытовым прибором? Если это станет известно, репутация лучшего студента Университета Цзянчэн...

Он не успел договорить свои язвительные слова.

За окном раздался чудовищный треск, совершенно не похожий на природное явление! Словно два огромных металлических листа с силой выгибали в разные стороны — этот пронзительный скрежет прошёл насквозь толстые стены и двойные стекла, вонзившись прямо в барабанные перепонки.

Следом прогремел глухой удар, и земля содрогнулась, будто невидимый великан яростно потряхнул здание! Стены и потолок 612-й комнаты содрогнулись!

Грохот!

Стопка учебников на столе — Основы построения высших массивов сбора духовной энергии, Базовый анализ пространственных сверхспособностей, Руководство по уходу за современными летающими мечами — посыпалась на пол. Стеллаж затрясся, и обрезки нефрита, предназначенные для практики гравировки, с мелодичным звоном покатались по полу.

Цзян Янь, стоявший на столе, потерял равновесие от неожиданного толчка и опрокинулся назад!

— Осторожно! — насмешка мгновенно исчезла с лица Лу Чэня. Он инстинктивно вскочил с кресла, протягивая руку на помощь.

Однако в этот момент в комнату — из окна или коридора — ворвалась ослепительно-белая ударная волна, состоящая из чистой, разрушительной энергии. Это не было пламенем, но жгло, как адский огонь; это не был лед, но пробирало холодом, замораживающим саму душу. Сила волны с корнем вырвала дверь, превратила оконные стекла в пыль и, подхватив обломки, мгновенно поглотила все пространство крошечной комнаты!

— Аргх!

Цзян Янь и Лу Чэнь одновременно издали сдавленный стон. Чистая разрушительная энергия, подобно стальным иглам, вонзилась в их тела, проникая в каждую клетку, достигая самых глубин души.

Время словно растянулось. Цзян Янь почувствовал, как его бросило в водоворот из бесконечных осколков видений и пронзительного визга. Тело разрывало, сознание погружалось во тьму. В невыносимой боли ему привиделся бескрайний фиолетовый небосвод, где вращались звезды — это была Цзывэй Юань, Центральный императорский двор, которым он когда-то правил. Величественный, священный, повелевающий сонмами звезд.

Но картина внезапно разбилась, сменившись безграничной тьмой. В этой тьме слышался шепот миллиардов душ и звон ледяных цепей законов Юомина. Это были глубины Девяти

Преисподних, Врата призраков, гора Лофэн! Облаченный в черное императорское одеяние, с ледяной короной на челе, он восседал в Зале Саньло, верша суд над жизнью и смертью, отдавая приказы десяти Яньло — Великий Император Фэнду Северной Тени!

Затем в его душе, как удар грома, всплыло имя, полное высшего величия и пугающей близости: Хаотянь!

Острая боль внезапно исчезла.

Цзян Янь с силой рухнул на пол, ударившись спиной, к горлу подступил привкус крови. Он резко открыл глаза — в поле зрения еще плясали пятна от энергетического удара. Прямо перед ним, меньше чем в метре, Лу Чэнь тоже пытался подняться с пола. Он выглядел не лучше: дорогая шелковая рубашка измята, воротник расстегнут, на лбу ссадина, из которой сочилась кровь. Но сейчас им было не до ран.

Их взгляды встретились. В тех самых золотистых глазах, что всегда искрились насмешкой, сейчас бушевал океан. Шок, замешательство, неверие... и, наконец, осознание, пробившееся сквозь толщу веков и обнажившее самую суть их душ. В глубине этого взгляда читалось равнодушие и величие того, кто привык взирать на три мира и шесть путей с высоты девяти небес.

Лу Чэнь же видел перед собой бездонные фиолетовые глаза. Этот фиолетовый цвет был чище и холоднее самого дорогого аметиста; в них не осталось ни тени спокойствия или раздражения студента Цзян Яня — лишь глубокая, замораживающая все сущее отчужденность повелителя Юомина. Этот взгляд, казалось, пронзал плоть, взирая прямо на истоки души.

Время словно замерло. За окном доносились хаотичные крики, грохот столкновений энергий и стоны рушащихся зданий, напоминая им, где они находятся. Но в этой маленькой комнате воцарилась пугающая тишина. Только тяжелое, сдавленное дыхание двоих переплеталось в воздухе, пропитанном пылью и запахом гари.

Осколки воспоминаний о прошлой жизни, словно прорвавшие плотину потоки, хлынули в их сознание. Споры в Небесном Дворе, трения между Юомином и посланниками небес, бесчисленные эры противостояния и тонких переплетений... все это завершилось той самой ужасающей битвой, когда гасли звезды, и холодным клинком предательства, вонзенным в спину от так называемых союзников.

— Хе... — Цзян Янь издал короткий, неопределенный звук, нарушая мертвую тишину.

Он с трудом приподнялся на локтях, морщась от боли в спине, но его фиолетовые глаза, острые, как лезвие, были устремлены на Лу Чэня. Уголки его губ медленно изогнулись в ледяной, язвительной усмешке, полной фаталистической иронии.

— Ого, — произнес он, и его голос, хриплый, словно он только что выбрался из глубин Юомина,

стал ниже обычного. Каждое слово было пропитано холодом. — Неужели это... сам Нефритовый император?

В конце фразы послышалась привычная издевка, теперь приправленная могильным холодом Великого Императора Фэнду:

— Цыц, реинкарнация... и до чего же ты докатился? На занятиях тебя вечно не найти, на экзаменах — плетешься в хвосте, а твои жалкие сверхспособности приходится подпитывать кристаллами энергии, купленными на семейные деньги?

Цзян Янь бесцеремонно окинул взглядом измятую рубашку и кровь на лбу Лу Чэня.

— Великий Небесный император, ставший известным бездельником в Университете Цзянчэн... Хаотянь, твой план на эту жизнь поистине оригинален и бесподобен.

Лу Чэнь опешил от такой ядовитой тирады, но затем шок и величие, клокотавшие в его золотистых глазах, сменились чем-то гораздо более сложным. Он не стал сразу отвечать, словно подтверждая для себя нечто крайне важное, и в глубине его глаз на мгновение мелькнул невыразимый блеск. Словно звезды, застывшие на эоны лет, внезапно вспыхнули вновь.

Он не спешил вставать. Полулежа на полу, он слегка наклонил голову, внимательно разглядывая красивое, полное сарказма лицо Цзян Яня, особенно его глаза — ту самую визитную карточку, что сейчас холодно взирала на него сверху вниз.

Спустя несколько секунд уголки губ Лу Чэня тоже поползли вверх. Его улыбка была далека от обычной беззаботности — в ней сквозила ленивая, выдержанная веками удовлетворенность.

— Хе... — Лу Чэнь тихо рассмеялся, его голос был низким и приятным, с тем самым неповторимым ритмом, присущим владыке девяти небес. — Бэй Инь, или... продолжать называть тебя Цзян Янь?

Он намеренно сделал паузу, изучая лицо собеседника.

— Сколько лет прошло, а реинкарнация так и не стерла твою ядовитую манеру речи? Или... — его улыбка стала шире, добавив нотку насмешки, — в Юомине стало настолько скучно, что ты решил развлекаться только этим? Хм, похоже, те неприятности, что я устраивал тебе в прошлом, были каплей в море.

— Ты! — взгляд Цзян Яня стал жестким, и ледяное давление, присущее Императору Фэнду, готово было вырваться наружу.

Однако в этот самый миг —

Огромное, невыразимое, ледящее душу чувство разрушения, подобно потоку ледяной воды, внезапно хлынуло в глубины их душ из самой пустоты!

— Угх!

Оба одновременно застонали, их лица мгновенно помрачнели. Взаимные колкости были забыты, их сменил ужас, идущий из самого основания их душ. Это не были слова или образы, это было прямое восприятие законов мироздания, запечатленное в их истинной сути. Словно часть их тела была безжалостно вырвана, и острая боль пришла вместе с абсолютным чувством потери.

Небесный Двор! Тот самый, которым правил этот юноша с золотистыми глазами, тот, что повелевал мирами, сиял вечным светом и был пронизан энергией бессмертных... он рухнул!

В их сознании остались лишь плавающие в бесконечной пустоте огромные холодные осколки законов, похожие на обломки звезд, излучающие ауру упадка и смерти. Знакомые Дворец Линсяо, цветы Яочи, Южные Небесные Врата... все символы былого величия превратились в хаотичную пустоту и пепел разрушения. Ауры могущественных божеств, Звездных владык, Небесных царей, Императоров — все они затихли и исчезли, словно их никогда не существовало.

Затем пришло осознание еще более глубокого и мрачного места — Мира Мертвых!

Фиолетовые глаза Цзян Яня сузились, сердце словно сжала невидимая ледяная рука. Это была его сфера! Обитель смерти, которой правил Великий Император Фэнду! Плач восемнадцати уровней ада, река Ванчуань под мостом Найхэ, Зал Саньло на горе Лофэн... все порядки, все нити законов сейчас казались разбитым стеклом, и лишь хаотичные вихри иньской энергии беспорядочно ревели и рассеивались. Миллиарды душ, лишившись проводника и оков, издавали беззвучные, отчаянные крики. Десять Яньло, судьи, призрачные чиновники... все те, кто поддерживал работу Юомина, их печати окончательно погасли!

Основы трех миров рухнули: Небеса пали, Юомин разбит, боги мертвы, порядок исчез без следа!

В комнате снова воцарилась мертвая тишина. Хаос снаружи словно отрезало, будто он происходил в другом мире. Лишь пылинки беззвучно танцевали в бледных лучах света.

С лица Лу Чэня исчез тот странный блеск, вызванный встречей, оставив лишь холодную сосредоточенность и едва уловимую боль. Он медленно поднялся. В глубине его золотистых глаз бушевал яростный пожар — гнев Хаотяня, видевшего полное уничтожение своего Небесного Двора. Беззаботная аура бездельника исчезла, сменившись невидимым, удушающим величием.

Цзян Янь, опираясь на край кровати, тоже медленно встал. Боль в спине, казалось, онемела.

Он был бледен, но его фиолетовые глаза горели пугающим светом — в них бушевала ярость владыки Юомина. Он чувствовал свои разрушенные земли, чувствовал полный разлад законов жизни и смерти, и эта ярость, идущая из глубины души, едва сдерживалась его могучей волей.

Его тонкие губы были плотно сжаты, челюсть напряжена.

Они стояли в нескольких шагах друг от друга, безмолвно глядя друг на друга. Воздух был тяжелым, словно свинцовым. В прошлой жизни они были заклятыми врагами, связанными бесконечными эрами противостояния. Но сейчас, перед лицом общей трагедии — полного краха трех миров, — все прошлые обиды и язвительные подколки казались такими ничтожными.

Более глубокая, фундаментальная ярость, порожденная разрушением их основ, незримо связывала их.

Тишину нарушил Лу Чэнь. Он внезапно двинулся. Без предупреждения он оказался прямо перед Цзян Янем, так близко, что они могли почувствовать жар остаточной энергии и холодную ярость друг друга.

Под пристальным, ледяным взглядом фиолетовых глаз Лу Чэнь поднял руку. Его движение было властным, присущим Небесному императору, кончики пальцев потянулись к лицу Цзян Яня. Цзян Янь инстинктивно хотел уклониться, в его глазах блеснула ярость. Но пальцы Лу Чэня оказались быстрее. С легкой дрожью, которую он, казалось, и сам не осознавал, он коснулся виска Цзян Яня, влажного от пота. Его теплые подушечки пальцев скользнули по слегка вздернутому, сейчас особенно острому из-за гнева уголку глаза.

— ...

Цзян Янь мгновенно застыл, в глубине его глаз промелькнуло изумление, сменившееся еще более глубоким холодом. Лу Чэнь, казалось, не замечал его сопротивления, его золотые глаза были прикованы к глазам Цзян Яня. Эмоции в них были сложными: боль от потери божественного царства, подтверждение того, что его заклятый враг все еще жив, и какая-то почти фанатичная страсть.

— Небеса пали, — произнес Лу Чэнь низким, хриплым голосом, в котором звучала странная магия, и каждое слово отдавалось в напряженном воздухе. — Земля разверзлась.

Его пальцы замерли у уголка глаза Цзян Яня, словно проверяя реальность обретенного вновь.

— И хорошо.

Он внезапно выдал улыбку, острую, как лезвие. В ней не было тепла, лишь безумие и пугающая решимость.

— Старый дом рухнул до основания, — пальцы Лу Чэня слегка надавили, с властью, подобной объявлению, он смотрел прямо в душу Цзян Яня, пытаясь пронзить эту холодную фиолетовую пелену. — Самое время... сровнять все с землей и отстроить заново!

Цзян Янь резко дернулся, с молниеносной скоростью оттолкнув руку Лу Чэня. Раздался резкий хлопок.

— Убери свои лапы! — голос Цзян Яня был холоднее льда, в нем сквозило нескрываемое отвращение и предупреждение.

Он отступил на шаг, увеличивая дистанцию, и яростно впился взглядом в безумную улыбку Лу Чэня.

— Не пытайся лезть ко мне с панибратством, Хаотянь!

Он глубоко вздохнул, подавляя ярость, вызванную разрушением Юомина, и странное, раздражающее волнение, возникшее от прикосновения. Его взгляд скользнул по хаотичному небу за окном, по руинам трех миров, и снова вернулся к лицу Лу Чэня, выражая непреклонную решимость Великого Императора Фэнду.

— Небеса или Юомин, — чеканя каждое слово, произнес Цзян Янь, его голос звучал как незыблемый закон, — хочешь восстановить? Хорошо.

Он слегка вскинул подбородок, и в его фиолетовых глазах, устремленных на золотые глаза Лу Чэня, вспыхнул ледяной свет.

— Сначала, — ледяная жажда убийства окутала его, температура в комнате, казалось, упала еще на несколько градусов, — сотри в порошок тех иномирных отбросов, что разрушили наш дом!

<http://bllate.org/book/18859/1839901>